

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ 1730-1741 ГГ. С МЕСТНЫМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ

В статье рассмотрены особенности взаимодействия Кабинета министров 1730-1741 гг. с местными органами власти. Выявлены основные тенденции взаимоотношений Кабинета и местного руководства, а также проанализированы проблемы, возникавшие при координации центральных и местных властей.

Ключевые слова: эпоха дворцовых переворотов, Анна Иоанновна, Кабинет министров, коллегии, местные органы власти.



период правления императрицы Анны Иоанновны (1730-1740 гг.) власть в Российском государстве была сосредоточена в руках Кабинета министров – высшего органа управления. Значимым аспектом работы Кабинета являлось его взаимодействие с местными структурами. Анализ этого взаимодействия позволяет дать объективную оценку эффективности деятельности Кабинета, выявить, насколько политика местных властей зависела от инициативы центральных правительственных структур.

Одним из важнейших направлений изучаемой политики можно назвать действия Кабинета по контролю работы местных структур, в частности, надзор за распределением финансов.

Существенную проблему в данной области представляло выявление многочисленных случаев коррупции со стороны местного руководства. Должностные преступления местной администрации были так обширны, что дореволюционный исследователь Ю.В. Готье в своей работе выделил несколько их групп: казнокрадство, взяточничество, лихоимство и превышение власти. На местном уровне казнокрадство и взяточничество сочетались с превышением полномочий, происходившим от увлечения властью, «которое поражало умы малокультурных людей, сразу переходивших из подчиненных армейских офицеров... в роль правителей, облеченных широкой властью» [2, с.236, 241].

Например, в апреле 1733 г. в Кабинет поступила информация о том, что «Симбирский воевода Гурьев... чинил великие противности и обиды, а именно в винном и провиантском подрядах немалые передачи, не допуская настоящих подрядчиков», а в челобитчиковых делах «производил дела с волокитой и решение чинил неправильное из взятков». В данном случае правительство приказало Казанскому губернатору начать следствие по этому вопросу, с «повелением своевременно доносить о ходе следствия Ея Величеству» [8, с.178-179].

Выявленные беззакония местной администрации в царствование Анны Иоанновны иногда карались и смертной казнью. Одним из крупных расследований преступлений местных властей в 1730-х гг. можно назвать следствие об иркутском вице-губернаторе А.И. Жолобове. В ходе процесса выяснились обстоятельства так называемой «иркутской смуты» 1733 г.: вымогательства иркутского вице-губернатора с казаков, посадского населения, крестьян, а также казнокрадство и незаконная торговля Жолобова с Китаем. Согласно именному указу от 1 июля 1736 г. бывшему иркутскому правителю отрубили голову [1, с.28].

* © Кривова Д.А., 2022

Кривова Дарья Анатольевна (dariya4191@mail.ru), аспирант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Вместе с тем в указной деятельности 1730-х гг. особенно проявляется обеспокоенность Кабинета недоимками. Стремление Кабинета справиться с этой проблемой выражалось в указах о появлении центральных учреждений, основная цель которых заключалась в обеспечении эффективного сбора накопившейся «доимки» [4, с.455]. Сюда можно отнести создание в 1733 г. Доимочного приказа [7, с.137-141], а затем учреждение в 1738 г. при Сенате доимочной комиссий [9, с.641-643].

С годами количество указов о необходимости уплаты доимок возрастало – коррективы в государственные потребности вносили военные действия с 1733 по 1739 гг. [9, с. 472]. Историк Н.Н. Петрухинцев особо обращает внимание на последние годы русско-турецкой войны 1736-1739 гг., когда финансовые проблемы достигли критической точки: за 1738-1739 гг. было издано не менее 18 указов, основной темой которых была проблема недоимок [5, с. 720].

Так, в январе 1738 г. ввиду того, «что при нынешнем военном времени на нужнейшие расходы в деньгах крайняя нужда», Кабинет требовал уплаты недоимок в один месяц. Уже в июле этого года было ясно, что задача провалена – из недоимок в размере «нескольких миллионов» было собрано всего 150 000 рублей. Тогда Кабинет настоял на подтверждении прежнего указа с присылкой ведомости из рапортов, полученных от губернаторов и воевод о доимщиках-помещиках «без упущения времени» [11, с. 66-67]. В конце концов, 23 ноября 1738 г. ведомость о доимщиках была составлена, хотя и с поправкой, что сведения о недоимке являются неполными. По ее результатам выяснилось, что не только местное руководство, но и члены правящей элиты – кабинет-министр А.М. Черкасский, президенты коллегий и канцелярий, сенаторы – находятся в списке должников [13, с. 139].

Аннинское правительство главную причину многочисленных недоимок и прочих невыполнений указов видело в бездеятельности и корыстных интересах местных властей [5, с. 721].

Вместе с тем со стороны местных учреждений в Кабинет нередко поступали объяснения задержки представления «непрестанных ведомостей, отчетов и рапортов», которых постоянно требовало от них правительство. К примеру, согласно доношению Новгородского вице-губернатора в сентябре 1737 г., в губернии существовала острая нужда в приказных людях. Поэтому в связи с «малолюдством и происходит немалая остановка и упущение дел». Известно, что Новгородское доношение было передано на рассмотрение в Сенат, а «по мнению Кабинета», в новых приказных людях было отказано [10, с. 602-603].

Но недостаток в исполнителях являлся насущной проблемой всех местных учреждений. Особенно острым он был в Московской губернии, которая по обширности и значению занимала первое место в государстве. Именно московские администраторы выступили с инициативой о необходимости реформирования организации местного управления. Летом 1732 г. московский губернатор Г.П. Чернышев предложил Кабинету ввести в Московской губернии должности вице-губернатора и его советников, поскольку «без помощников в делах справиться невозможно». Однако в этой просьбе ему было отказано [6, с. 263].

Недостаток кадров на местах усугублялся колоссальными пространствами страны, где между редкими ячейками административной сети связь осуществлялась при помощи курьеров [3, с. 243]. Исходя из этого, ответы от местного руководства могли задерживаться, поэтому Кабинет требовал «во все места вновь крепчайших подтвердительных указов» с нарочными курьерами со взятием ответов «для чего по сие время о том не рапортовано было» [12, с. 30].

Развернутое объяснение неисправной работы местных структур содержат доклады смоленского губернатора А. Бутурлина. Можно сказать, в них принципиально был поставлен вопрос о недостаточной эффективности существовавшей системы управления и контроля [3, с. 249]. В своем первом докладе Бутурлин пишет, что, поскольку по указу 1737 г. коллегии

и конторы получили дозволение штрафовать местные власти, губернаторы и воеводы стали подвержены многочисленным взысканиям. А в связи с «малолюдством», «время от времени затруждением непрерывным» «все нужнейшие дела из рук выходят». При таких обстоятельствах штрафы становились просто неизбежны [12, с. 610-611].

Второй доклад Бутурлина «о крайнем изнеможении счетов годовых» еще более обстоятелен. Последовательно описывая сложность процесса подсчета финансовых итогов для рапортов в Сенат и другие инстанции, Бутурлин приходит к выводу, что на всю работу потребуется не меньше трех месяцев, в течение которых решение текущих проблем будет отложено. Выход из сложившегося положения Бутурлин видел в подчинении губернаторов только Сенату [12, с. 687-690].

Итак, со стороны Кабинета министров можно увидеть стремление контролировать работу местных органов власти. Отдаленность местных властей от центра, порождавшая ощущение безнаказанности, приводила к росту злоупотреблений местного руководства, с которыми пыталось бороться правительство. Можно сделать вывод, что в ряде случаев действия Кабинета по координации работ местных структур были успешны. Однако взаимодействие Кабинета и местных властей затруднялось рядом обстоятельств. Наиболее острой проблемой, осложнявшей работу местных структур, являлся недостаток кадров на местах.

Библиографический список

1. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
2. Готье Ю.В. История областного управления от Петра I до Екатерины II. В 2 т. Т. 1. М.: Типогр. Г. Лиснера и Д. Севке, 1913. 492 с.
3. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. Рязань: Частн. изд. П.А. Трибунский, 2003. 570 с.
4. Пермякова А.Н. Проблема недоимок в царствование Анны Иоанновны: конфискация имущества как новая практика фиска // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2015. Вып. 4. С. 453-458.
5. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 1063 с.
6. Писарькова Л.Ф. Государственное управление Россией с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М.: РОССПЭН, 2007. 743 с.
7. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е (далее ПСЗ-1). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830-1851. Т. 9. 1014 с.
8. ПСЗ-1. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830-1851. Т. 10. 995 с.
9. Сборник Императорского русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. 105. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 2. (1733 г.). Юрьев: Типогр. К. Маттисена, 1899. 716 с.
10. СИРИО. Т. 117. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 6. (1737 г.). Юрьев: Типогр. К. Маттисена, 1906. 850 с.
11. СИРИО. Т. 124. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 8. (июль-декабрь 1738 г.). Юрьев: Типогр. К. Маттисена, 1906. 590 с.
12. СИРИО. Т. 130. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 10. (июль-декабрь 1739 г.). Юрьев: Типогр. К. Маттисена, 1909. 768 с.
13. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма XVIII в. М.: Наука, 1966. 273 с.